

20.3.93.

Маковецкий Сергей

Семь дней - 1993 -
20-26 марта - 92

СВОЯ ИГРА

ПОРТРЕТ ЛИЦА

Маковецкий – вода, принимающая форму любого сосуда. Идеальный актер, мечта режиссера, феноменальная гибкость и пластика: хотите праведника? – могу праведника. А злодея хотите? – нет проблем. Но и тот, и другой играют с истинно русским надрывом: потому что и праведник, и злодей у Маковецкого очень русские. Взаимно перетекающие. Каким образом? На себя посмотрите.

Маковецкий – всюду: в театре Виктюка, в фильмах Хотиненко и Абдрашитова, в фоторепортажах с главных актерских тусовок, на первых полосах десятка изданий и на нашем постере, что является главным и окончательным признаком славы. При этом в нем нет утонченности Олега Меньшикова, брутальности Марлона Брандо, мускулистости Сильвестра Сталлоне и богатства Бориса Березовского. Нет также пошлости и конфетности стандартного персонажа светской тусовки. Что же есть?

Есть невероятный актерский талант, позволяющий ему быть всяким. То есть любым. Жестким и послушным любой чужой воле, как в "Пьесе для пассажира". Уязвленным новыми временами, как в "Макарове". Беспомощно и безнадежно русским, как в "Патриотической комедии". Иными словами, Маковецкому присуща та самая готовность примерить любой облик, которая так отличает наши неотвердевшие, переходные времена. Не зря Володя Мартынов назвал его когда-то "Негероем нашего времени". Определение прилепилось, даром, что поводом для той давней статьи послужило блестящее исполнение Маковецким роли Алексея в "Государе-ты-наш-бабушке" Петра Фоменко по "Детю-убийце" Горенштейна.

Неповторимость Маковецкого – как раз в его типичности, в той уникальной способности к мимике, которую он демонстрирует вот уж пятый год на

ИНТЕЛЛИГЕНТ
НА РАСПУТЬЕ

главных экранах и сценах столицы. Безвольность, готовая обернуться железной волей; раздавленность, которая того и гляди отомстит тиранством. Нашему времени все это присуще в высочайшей степени: сами не знаем, каковы мы. Одинаково готовы быть всякими. Одно в нас несомненно и уни-

версально: мы несчастны. Нам неловко. Мы в этих временах чужаки. Мы примеряем маски, пробуя, что нам больше подходит: жестокость, жалость, покорность? Все эти ипостаси в их последовательном развитии явил нам "Макаров", где кроткий и нежный поэт на глазах превращался в убийцу-самоубийцу (в сущности понятия близкие). Нам только пистолет дай – и все поменяется. Таков и Маковецкий: ослабленный Куильти в "Лолите" Виктюка готов обернуться похитителем и оболстителем. Царевич Алексей только перед отцом пасует, а заглазно вполне готов его свергать под гипнозом ласк властной бабенки. Да и в "Патриотической комедии" тютя-герой вполне способен противостоять силам зла, ибо на всякий случай у него есть универсальное утешение: "А грустно будет – водочки выпьем..."

Не спрашивайте, каков Маковецкий. Маковецкий – всяк, а точнее – двулик. И два лика его легко перетекают один в другой: кротость – в насилие, покорность – в жестокость, разум – в холодный расчет убийцы. Двойствен, как Россия, и амбивалентен, как она. И сила его – в его слабости, и победа его – в нерешительности. Сейчас из него можно веревки вить, а завтра он сам из вас такое сошьет, что останется только недоумевать: куда глядели?!

Такова Россия на переломе. Такова страна, потерявшая себя и равно готовая к подвигу и зверству (тоже почти синонимы). Таковы мы все, впервые за долгую историю России пытаемые пыткой свободы: можем так, а можем и этак. Эту пытку свободой играет Маковецкий. А потому и персонаж его входит в каждый дом, как свой: "Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не послуш!" Сегодня – праведник. Завтра – злодей. В промежутке – интеллигент на распутье.

Амбивалентность, етить.

Дмитрий БЫКОВ.